

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Наринэ АБГАРЯН Александр ЦЫПКИН
Каринэ АРУТЮНОВА Любовь БАРИНОВА Ирада БЕРГ
Александр БЕССОНОВ Светлана ВОЛКОВА Наталья ГЛАЗУНОВА
Жука ЖУКОВА Алексей ЛАДО Виктория МЕДВЕДЕВА
Артаг ОГАНЕСЯН Елена РУМЯНЦЕВА
Евгений ЧЕШИРКО Светлана ЩЕЛКУНОВА
и подопечные ФОНДА ХАБЕНСКОГО

Фонд
Хабенского

Одобрено Рунетом. Подарочное

Наринэ Абгарян

**Необыкновенное
обыкновенное чудо. О любви**

2014—2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Абгарян Н. Ю.

Необыкновенное обыкновенное чудо. О любви / Н. Ю. Абгарян —
2014—2023 — (Одобрено Рунетом. Подарочное)

ISBN 978-5-17-153411-0

Эта книга — третья в рамках совместного проекта издательской группы «АСТ» и Благотворительного Фонда Константина Хабенского. Современные писатели: Наринэ Абгарян, Каринэ Арутюнова, Любовь Барина, Ирада Берг, Александр Бессонов, Светлана Волкова, Наталья Глазунова, Жука Жукова, Алексей Лад, Виктория Медведева, Артак Оганесян, Елена Румянцева, Александр Цыпкин, Евгений Чеширко, Светлана Щелкунова — и подопечные Фонда рассказали о любви.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-153411-0

© Абгарян Н. Ю., 2014—2023

Содержание

Рассказы современных писателей	6
Наринэ Абгарян	6
Александр Цыпкин	11
Светлана Щелкунова	16
Артас Оганесян	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сборник Необыкновенное обыкновенное чудо. О любви

© Авторы, текст, 2014-2023

© Анна Ксенз, иллюстрации, 2023

© Благотворительный Фонд Константина Хабенского, рассказы
подопечных, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

«Что мы знаем о любви? Пожалуй, точно только то, что она необходима каждому из нас. Поэтому третий том книги „Необыкновенное обыкновенное чудо“ мы решили посвятить именно этому загадочному и необъяснимому явлению.

Несмотря на то что про любовь сказано немало, уверен, этот сборник сможет вас удивить. Традиционно в числе авторов – подопечные нашего Фонда, дети и молодые взрослые с опухольями мозга. Кому, если не им, рассуждать о любви? Ведь дети знают про нее точно не меньше нас, взрослых. А скорее всего, даже чуть больше».

КОНСТАНТИН ХАБЕНСКИЙ, основатель Благотворительного Фонда Константина Хабенского

«Фонд Хабенского исключительно про любовь в самом ее кристальном проявлении, и я рад, что этой же теме посвящен новый сборник „чудесных“ историй. Я уверен, мы будем читать эту книгу и не только продолжать верить в чудеса, но и пытаться их создавать».

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН, писатель, драматург, сценарист

«Для меня этот проект – совместная работа с людьми, которые мне близки. Кроме того, это не просто стандартная издательская история, когда публикуется и монетизируется некое произведение, а возможность принести реальную пользу реальным людям. Для здорового работающего человека участие в благотворительности – это образ жизни».

АЛЕКСАНДР ПРОКОПОВИЧ, главный редактор «Астрель-СПб»

«Этот проект нужен не только подопечным Фонда, но и всем нам, потому что он помогает сохранить надежду и веру в чудо».

АЛЕКСЕЙ МИСЮТИН, основатель международной школы «Алгоритм»

Рассказы современных писателей

Наринэ Абгарян

Одно сердце¹

Григор умудрялся проснуться за несколько минут до звона будильника. Покидал постель с большой неохотой – рядом, бесслышно дыша, спала молодая жена. Григору сорок пять, ей – двадцать пять. Любить не налюбоваться. Каждый раз мучает глупый страх – вдруг вернется, а ее нет. Выпорхнула в окно за кем-нибудь другим, более молодым и красивым, и летит теперь с ним в обнимку, как на картине Шагала, над городом и миром, недостижимая и прекрасная. Рипсик смеется, обнимает-обвивает его своими нежными руками-ногами, дышит в лицо сладким – к кому я от тебя? Известно к кому, хмурится Григор, не подразумевая кого-то конкретного, но ненавидя всех возможных кандидатов разом. Он обнимает жену, зарывается носом в легкие волосы, дышит ее запахом, прислушиваясь к тягучей боли, разливающейся под боком. Ругает себя потом нещадно – живи, сколько отмерили, радуйся любой радости, зачем отравлять сомнениями себя и ее?

Выйдя из дому, он неплотно, чтоб не скрипнула, прикрывает дверь – жена спит чутко, словно воробушек, от каждого шороха просыпается. Спускается во двор, не забыв выдернуть из лежащей на подоконнике пачки сигарету. Дойдя до старого тутовника, снимает с себя нательный крестик и вешает на сучковатую ветвь. Курит, наблюдая за тем, как вокруг мерно раскачивающегося крестика понемногу рассеивается мгла. Крест ничейный, найденный в тот день, когда он увидел свою Рипсимэ. Шел домой, оглушенный ее красотой, в голове пусто, в сердце гулко, ни о чем не думал, никуда не смотрел, а вот крестик в корнях желтой мальвы заметил. Простенький, металлический, скорее греческий, чем армянский, особо не разберешь, в этом регионе все кресты на одно лицо. Поднял и, не отряхивая от земли, надел на шею, ничуть не удивляясь своему поступку, хотя некрещеный, родители-коммунисты не стали, а он потом и сам не захотел. Через восемь месяцев поженились. Два года пролетели как один день. Григор не знает, сколько еще времени ему отпущено на счастье, но в предутренний час заведенного дня, в любую погоду, обязательно выходит во двор, чтобы повесить на ветку помнящей его ребенком шелковицы талисман. Черт с ними, с проблемами, которым не видать края, с потерями, которые навсегда с тобой – все можно пережить, со всем можно справиться или на худой конец смириться, если сердце греет любовь.

Григор исподтишка наблюдал за женой. Счастливо улыбаясь, та набирала сообщение в телефоне, потом откладывала его в сторону, чтобы продолжить работу, но через минуту, услышав треньканье уведомления, снова к нему возвращалась. Судя по тому, с какой радостью она читала и с какой поспешностью принималась строчить ответ – переписка занимала ее всецело. Прядь выющихся каштановых волос вырывалась из-за уха и лезла в глаза, она сердито заправляла ее обратно. Отправив сообщение, шарила взглядом по экрану ноутбука, бесцельно пролистывая презентацию очередной инсталляции (она удаленно вела курсы по современному искусству), и чутко прислушивалась к телефону, чтобы не пропустить новое уведомление. Волосы свои она собрала в небрежный узел и заколола крест-накрест карандашами, и теперь они смешно торчали у нее на макушке, словно усики насекомого. Лямка майки съехала с плеча, шорты еле прикрывали бедра, из шлепок торчали нежные, покрытые разноцветным лаком,

¹ Отрывок из одноименной повести.

пальчики. Она смешно шевелила ими, когда набирала очередной ответ. Сущий подросток, а не молодая, вполне уже набравшаяся чувственных сил женщина.

– С кем это ты переписываешься? – не выдержав, ревниво любопытствовал Григор.

Она оторвалась от телефона, подняла на него свои васильковые, уходящие в глубокую синеву глаза. Он где-то прочитал, что такая синева – своего рода генетическая аномалия и присуща она чаще всего жителям высокогорья. Поморщился, сочтя за ерунду, но почему-то запомнил.

– С кем переписываюсь? – задумчиво переспросила Рипсимэ.

Мысли ее витали где-то далеко, и на вопросе мужа она даже не удосужилась сосредоточиться.

Григор нахмурился.

– Вот именно. С кем?

Она насмешливо вздернула бровь, потом прикусила губу, мгновенно включив кошачью грацию. У Григора сердце ухнуло под ребра – он до сих пор не привык к мгновенным преобразованиям Рипсимэ: вот только что, буквально секунду назад, была угловатым подростком, а теперь превратилась в соблазнительную женщину.

– С кем-то очень важным переписываюсь. Но тебе не скажу! – промурлыкала, вредничая, она.

– А когда скажешь? Когда замуж за него соберешься?

Она пожала плечом: дурак! Он мысленно чертыхнулся – опять за свое! Ну сколько можно? Неуклюже попытался отыграть назад:

– Да шучу я, шучу. Подумал – вдруг что-то случилось. Может, помощь нужна.

Она вмиг посветлела лицом (он всегда поражался ее умению легко и просто отпускать обиды):

– Помощь? Нужна. Картошки почистишь? Я ее пожарю для тебя, как любишь – с чесноком и кинзой.

– Вроде спас вчерашний есть.

– Постоит спас, ничего с ним не будет. Он чем дольше стоит, тем вкуснее становится.

Григор отложил книгу. Потянулся к жене – поцеловать. Она послушно подставила губы, не преминув ущипнуть его легонько за бок, хотя отлично знала, что он этого терпеть не может.

– Опять за свое? – отпрянул Григор.

Она звонко рассмеялась:

– Кто еще будет тебе нервы мотать, если не я?

– Сучка. Ладно, пошел чистить картошку.

– Иди давай, иди.

Тренькнул телефон. Рипсимэ, мгновенно забыв о муже, потянулась за ним.

Григор плелся на кухню мрачнее тучи. Работу по дому он терпеть не мог. В первом браке всегда отказывал жене в помощи, объясняя это тем, что не мужское дело готовить или убирать. Помня об этом, Мариам старалась управляться сама. Григор несказанно был тому рад – будучи заведующим отделения хирургии и одним из ведущих специалистов в регионе, работал он всегда много и тяжело и свободное время предпочитал проводить за чтением книг или просмотром спортивных передач. Книги подпитывали его эмоциями, спорт же, как ни странно, расслаблял. Мариам, преподающая в музыкальной школе игру на скрипке, уставала не меньше, потому иногда обижалась на мужа и даже скандалила, но на его предложение найти помощницу отвечала твердым отказом – не смогу пустить в дом чужого человека. Тянула одна лямку, пока не подросла дочь. Девочка оказалась невероятно отзывчивой и сознательной, хорошо училась, с готовностью помогала по хозяйству, справляясь со всем. В старшей школе, решив пойти по стопам отца, устроилась на летние каникулы санитаркой в хирургическое отделение. Грязной работой не брезговала, а в свободное время не вылезала из процедурной, не давая покоя

медсестрам расспросами. Григор гордился ей чрезвычайно, хотя спуска не давал и требовал больше, чем от остальных. Однажды, уступив ее просьбам, пустил на операцию и по загоревшимся глазам, по тому, как она уже после, дома, пытала его вполне толковыми вопросами, убедился – дочь выбрала себе правильную специальность. Кто же знал, что она так рано уйдет! Кто же знал, что именно ее – радостную и жизнелюбивую, два года блестяще проучившуюся на лечебном факультете, заберет тяжелая скоротечная саркома...

«Мне уже никогда не избавиться от чувства сиротства», – призналась ему после похорон Мариам. Он обнял ее – у тебя есть я! Она промолчала. Она словно знала все наперед – их стремительное отчуждение, тягостное, выедающее душу чувство вины, невысказанные обиды – они росли снежным комом, и, хотя оба, будучи достаточно умными людьми, отлично понимали неосновательность этих обид, но ничего поделать с ними не могли. Горе было страшным, словно необоримое проклятие: с ним невозможно было жить, но и умереть не представлялось возможным. Мариам оформила на работе отпуск и проводила дни в комнате дочери, покидая ее только затем, чтобы сварить себе кофе. Ну и сходить в магазин – за сигаретами. Курила она почти безостановочно, приканчивая по полторы-две пачки в день, потому сигареты брала сразу блоками. Есть практически перестала, и Григору стоило больших усилий уговорить ее хотя бы не отказываться от сухофруктов. Она уступила – не потому, что он ее убедил, а просто чтобы отвязался, и съедала через силу горсть-вторую чернослива с изюмом. На том и продержалась. Григор, в отличие от жены, запирается в своем горе не стал, даже отпуск не оформил – ходил на работу, много оперировал. Любые разговоры о дочери пресекал на корню, никому не позволял себя жалеть. Мучился страшно – бессонницей, приступами неконтролируемой паники, одышкой и тошнотой. Но попыток помочь себе не делал, переживая все глубоко внутри. На предложение коллеги-невролога выписать хотя бы успокоительное махнул рукой – сам справлюсь.

Роман с Рипсимэ случился в дни абсолютного душевного опустошения, когда казалось, что конца и края беспросветности уже не будет. Она пришла к нему на прием с пустячной проблемой – хотела, чтобы ей удалили крохотную, величиной с горошину, липому на бедре.

– Вдруг она увеличится и изуродует мне бок! – расстроено объясняла она, демонстрируя ему малюсенький, едва различимый бугорок.

Григор заверил ее, что ничего страшного в липоме нет, она может потом исчезнуть сама, а если вдруг станет расти, то так и быть, ее удалят.

– Чтобы она не уродовала вам бок, – насмешливо добавил он, копируя ее интонацию.

– Я, может, и оставляю впечатление радужной идиотки, но таковой не являюсь. Надеюсь, что не являюсь, – она смущенно рассмеялась и потерла кончик носа ладонью, – я просто понимаю, что мое здоровье – это не только моя ответственность, но и ответственность моих родных, вот и стараюсь по возможности оградить их от проблем.

Он аж обомлел. Заглянул в карту, чтобы уточнить возраст. Двадцать три года.

– Какая умная и ответственная девочка! – с отеческими нотками в голосе протянул он.

– Фу как некрасиво быть гендерным шовинистом, доктор! – моментально оскорбилась она.

Он смущенно извинился – ну что вы! Я подкаблучник, а не шовинист.

Она была невозможно хороша, но взяла его не красотой, а непринужденностью и какой-то абсолютной, будто бы звериной, естественностью. В ней не было ни капли надуманности или фальши, она не рисовалась и не играла, как многие ее сверстницы, выросшие в эпоху массового потребления, и говорила с ним, словно с человеком, которого знала целую вечность и которому беспрекословно доверяла.

Любовь, как в той набившей оскомину песне, нагрянула совсем нечаянно. Спустя месяц Григор признался Мариам, что у него появилась другая. Она, казалось, отнеслась к новости индифферентно, отпустила его с легкостью. Но прознав про возраст Рипсимэ, устроила ему скандал, обвинив в том, что он выставляет себя старым идиотом.

– Как ты вообще можешь встречаться с девочкой, которая младше тебя почти вдвое! Ладно она, молодая и неопытная дурочка, но ты-то! Ты! Представь, как это выглядит со стороны. Она же бросит тебя через год-другой! И что ты тогда будешь делать?

Дав ей вдоволь накричаться, Григор хмуро обрубил:

– Как-нибудь справлюсь.

Потом уже, спустя время, когда боль немного улеглась, она призналась ему, что в сердцах уничтожила все его фотографии.

– Ну и правильно. – Он притворился, что это его не задело.

Она расплакалась, прижалась к нему, шепнула «ненавижу тебя» и резко отстранилась. Так и не разлюбила.

Картошка давалась легко и охотно, подставляя под нож то один, то другой глянцевого бок. Неожиданно увлекшись, Григор почистил больше, чем было необходимо. Для жарки было много, на потом не оставишь. Почесав в затылке, он разрезал клубни на четыре части, набрал в кастрюлю холодной воды, кинул туда картошку и несколько листиков лаврового листа. Посолил. Подумав, добавил полголовки нечищеного чеснока. Отварится – потолчет со сливочным маслом в пюре. Удивился сам себе – надо же как расстарался! И сам же себя одернул: а что остается делать? Жена молодая, красивая, приходится подхалимничать.

Включив огонь под кастрюлей, он собирался выйти на веранду, чтобы покурить, но был остановлен скрипом входной двери. Не услышал, как Рипсик выходила. Теперь, вернувшись, она шуршала пакетом в прихожей, мурлыча под нос незамысловатый попсовый мотив. Он хотел приоткрыть дверь, но она ему не дала – подожди, это сюрприз!

Он насторожился, принялся лихорадочно перебирать в памяти даты – вдруг запомнил какое-то важное совместное событие. Собирался уже спросить, но дверь кухни распахнулась. Рипсик стояла в проеме – в забавном заячьем комбинезоне. На голове задорно торчали ушки, на попе – она повернулась, чтобы он лучше разглядел, топорщился розовый меховой хвостик.

– Нравится?

Григор рассмеялся.

– Очень.

– Анна привезла.

– Твоя сестра всегда отличалась своеобразным вкусом.

– Это я ее попросила. К сюрпризу. У меня для тебя есть подарок. Угадай какой!

– Костюм крокодила?

– Балбес!

– Неужели осла?

– Два раза балбес!

– Ладно, сдаюсь, показывай, что там у тебя!

Она выставила бедро, ткнула пальцем в карман комбинезона.

– Сам заberi.

Он полез туда, нашарил что-то продолговатое, смахивающее на градусник. Мгновенно догадался, что это. Задохнулся от разом нахлынувшей радости. Сгреб ее в объятия, зарылся носом в заячьи ушки.

– Ты смотреть-то будешь? – прогудела она ему в грудь.

– А чего смотреть, я и так все понял. Девочка будет. Обязательно будет девочка.

Осень обернулась для Берда благословением: убавив сумасшедшую летнюю жару, природа зарядила недолгими, но обильными дождями, возвращая к жизни саму жизнь. Сквозь шершавую паклю выгоревшей травы пробивалась нежная поросль, воспрянули кронами леса, иссушенная горная речка, набираясь сил, снова потекла по своему зернистому руслу, слизывая с камней мертвые пучки мха. Дворы заполнились веселым детским визгом, завозились-заго-

лосила в птичниках разнообразная птица, провожая первые перелетные стаи, расчеркнувшие тонкими клиньями небеса. Человеческая память, инстинктивно отгораживаясь от плохого, задвинула воспоминания о засухе в дальний угол подсознания и спешила наполниться новым и утешительным: прохладой ясного утра, голосом ливня, запахом влажной земли, сверчковой колыбельной ночи...

Первое заговорное воскресенье в сентябре начиналось традиционно: заскрипели, распахиваясь одна за другой, двери, выпуская во двор людей, выносивших на свет божий дорогие сердцу артефакты.

Проснувшись по своему обыкновению за несколько минут до звона будильника, вышел во двор Григор, чтобы оставить на ветке тутового дерева нательный крестик. Курил, жадно вдыхая дым, хмурился и представлял, как Мариам, изнанкой наружу – чтоб не вылиняла, развешивает на бельевой веревке вышитую дочерью скатерть. Набравшись духа, он рассказал ей о беременности Рипсимэ. Мариам расплакалась – зло и коротко, но сразу же притихла. «Пусть у тебя все будет хорошо, но если вдруг... Все-таки двадцать лет – огромная разница в возрасте. Если вдруг... Я всегда здесь. И ребенка твоего буду любить всем сердцем». Он поблагодарил ее, потому что знал, что она не хотела его обидеть, однако, вернувшись домой, сразу же полез под душ – смывать с себя липкое чувство страха. Стоял под струей горячей воды, зарывшись лицом в ладони, и шептал: «Пусть все будет хорошо, пусть до последнего своего дня я буду с моей Рипсимэ». И ему, закоренелому атеисту, казалось, что где-то там, на небесах, где решаются всякие не зависящие от человеческой воли и желания вопросы, кто-то выводит невесомым пером по древнему, свисающему бесконечным серпантинном манускрипту: «Желание удовлетворить, любовь продлить до гроба».

Александр Цыпкин

Окно

Иногда так ошибешься в человеке, что потом еще долго приходишь в себя. Интересное, кстати, выражение, задумался однажды, противоположно ли оно по смыслу фразе «выйти из себя». Так или иначе – поколебал тот случай мою бесконечную уверенность в способности разбираться в людях.

Но по порядку. У этой истории даже имеется пролог, чуть ли не длиннее самого повествования.

Самые счастливые люди встречались мне на вокзале. Они вскакивают в последний вагон «Сапсана» за миллисекунду до отправления. Чаще всего у них одышка, дрожь в коленках, пот фонтаном и выражение абсолютного умиротворения на лице.

Даже самые отъявленные аристократы, если их никто не видит, как зайцы скачут по вокзалу, когда опаздывают на поезд. Смотришь, вроде человек, а на самом деле заяц с чемоданом, чаще – с двумя. В момент прыжков он обещает себе: 1) пойти на спорт;

2) всегда выходить заранее; 3) купить ботинки поудобнее.

Но это все в будущем. А сейчас он бежит изо всех своих скудных сил и когда успевает, то нет его счастливее. Даже если цель поездки – развод, похороны, увольнение или теща. Экстаз вбежавшего в последний вагон.

Итак, я именно в этом состоянии. Отхрипевшись на бортпроводницу, я поплелся в свой вагон. Прихожу. Рядом со мной сидит парнишка лет восьми-деяти. Как только я обозначил свое присутствие, его бабушка обозначила свое, одновременно спросив и приказав:

– Молодой человек, вы не возражаете, если мы с дочерью посидим рядом, поговорим? А вы на мое место садитесь, пожалуйста. Спасибо. – Пассажирка закончила со мной и дала распоряжения внуку: – Митя, води себя тихо, дяде не мешай, слушай книжку. Нам с мамой поговорить надо.

Я был готов ехать даже стоя, поэтому оккупацию своего места не заметил бы в любом случае, и, разумеется, согласился. Бабушка мне не понравилась. Она мне напомнила фильм «Пятый элемент», в котором чудище натянуло на демоническую голову благообразное человеческое лицо. Глаза все равно выдавали мерзость, а кожа ходила ходуном. Женщина была объемная, с мощными руками, шеей – ошибкой скульптора и мелкими глазами за мелкими очками. Мне в какой-то момент показалось, что у нее раздвоенный язык и третье веко. Никакая она не бабушка. Бабка.

Не хотел бы я оказаться на месте Мити или Митиной мамы.

Впоследствии я понял, что они со мной согласны.

Митина мама сидела у окна с потухшим лицом и сцепленными руками. Куцая, худенькая, какая-то заброшенная и безжизненная. Мне показалось, в ее глазах была мольба не соглашаться, когда бабка со мной договаривалась. Повторюсь, реально никто со мной не договаривался, просто известили. Вежливо. Как хороший палач.

Итак, мы расселись. Через минут пять я понял, что за важный разговор. Бабка при рождении проглотила рупор и как бы я ни хотел избавить себя от ее болтовни, все равно погрузился в семейные проблемы моих соседей.

Митино папу хаяли. С беспощадной любовью настоящей тещи. Исходя из слов бабки-змеи, ее зять был убийцей Леннона, Графом Дракулой, Шариковым и футболистом сборной России в одном лице. Ничтожество и монстр, бабник и социопат, ужасный, равнодушный отец и в то же время плохо влияющий на Митю (так как слишком сильно его любит своей паскудной любовью). Мало зарабатывающий, но слишком много работающий. Я бы хотел таким родиться. Абсолютно все недостатки собрались в одном человеке.

Жалкие возражения дочери глушили динамитом.

– Что ты о мужиках знаешь?! Я вон сразу поняла, что твой отец скотина, а то бы так и жила с ним.

– Давай о папе или хорошо, или никак. Мам, я прошу тебя.

– Нет уж, пусть и там все слышит!

Думаю, несчастный мужик отправился в мир иной именно по причине бабкиного замечательного характера. Наслушался, так сказать. Но это всегда наш собственный выбор. Всегда.

Митя в какой-то момент снял наушники и тоже прислушался к разговору. Ему было больно. Он пронзительно смотрел на меня, как бы пытаясь сказать: «Это все не так». Но не решался. Кроме этого, паренек был простужен и периодически чихал. После каждого чиха бабка вставляла свое, с позволения сказать, лицо в проем между креслами и с удовлетворением маньяка в анатомичке чавкала: «Вот, правду говорю», – и продолжала свой выпуск программы «Пусть говорят». Митя сдерживался, чихал внутрь себя, но иногда звук вырывался, и вновь жаба светилась радостью, легитимизируя наброс волею высших сил. Митя видел в своем чихании какое-то предательство отца, он после каждого появления бабки взглядом извинялся передо мной, мол: «Не правду говорит, не правду!»

Каждый безголосый крик сокращал жизнь будущего взрослого Мити, выжигал ему сердце, делал неврастеником, иссушал душу, а вот бабка, уверен, прибавляла еще год к своему очень полезному земному существованию. В какой-то момент мальчик усилием воли справился с рефлексом и затих. Бабка пару раз взглянула в щель крысиными глазками, проверяя, где застряла ее эзотерическая поддержка, но огнем не выключила.

И тут я тоже вдруг захотел чихнуть. Не знаю, что со мной произошло. Может, аллергия, может, за компанию, но я начал набирать в легкие воздух, морщить лицо, характерно моргать, практически выстрелил и... увидел Митино лицо. Он умолял не делать этого, не участвовать в травле его отца, себя-то сдержать он смог, а меня-то как?! В его глазах застыла беспомощность и какая-то безнадежность. Весь мир был против маленького мальчика. Я понял, что если подставлю паренька, то не прошу себя. Никогда я еще не замораживал воздух внутри носо-глотки. Мне казалось я сейчас лопну, неразорвавшийся снаряд крутился волчком у меня голове, и я ждал, когда мозги разлетятся по вагону. Глаза вылезли из орбит, но мальчик так их гипнотизировал, что вдруг все прошло. Я расслабился. Мы оба улыбнулись. Мы ее победили. Не будет ей поддержки! Наша взяла!

И тут какая-то сука слева чихнула.

Старуха чуть ли не заорала: «Правду говорю». Я и Митя – оба стали искать подонка, но он затихарился и больше не издавал ни звука. И правильно. Убил бы.

Через некоторое время мокрая от слез дочка/мама пошла в туалет. Она с тоской посмотрела на Митю, но не стала брать его с собой. Мальчуган заплакал. Завыл, точнее. Тихо так заскулил, чтобы бабушка не слышала, наверное. Мне показалось, что слезы прожгут его сиденье.

Я сидел с комком в горле. В голове стучало: «Что же ты делаешь, сволочь, что же ты делаешь...» Вспомнилось, что один раз уже повторял эти слова.

Не помню, какой год. Я радостно живу на Караванной под самой крышей. Эх, было хорошо. Караванная. Крыша...

Еда квартиру не любила, и поэтому я периодически спускался в окружные шалманы с целью добычи мамонта. В соседнем доме располагался паб, и там я регулярно убеждал себя в полезности для моего здоровья пива с сосисками. Кабачок невеликий, завсегдатаи узнавали друг друга в лицо и вскоре я познакомился с Бинго. Бинго получил свое прозвище за то, что постоянно говорил: «Бинго». Даже когда ему приносили 0,5. Если честно, я забыл, как его

звали в реальности. Да это и не важно. Он был выше меня, у`же в плечах и шире в мыслях. Бинго рассуждал столетиями. Как-то мы пили в рюмочной на Пушкинской:

– Вот меня интересует, Пушкину сейчас важно, что он наше всё, или нет? Нет, ну правда, вот он там сидит бухает с Дантесом.

– Почему с Дантесом?

– Ну а с кем еще ему бухать? Не с женой же. Дантес о нем всю жизнь думал, самые близкие люди, если не брать в расчет дуэль, но кто старое помянет?...

– Разумно.

– Так вот, бухает он с Дантесом, и тут им новости от нас утренние, мол, Пушкин супер-мен, а Дантес скотина. Мне вот любопытно, это имеет для них какое-то значение или нет?

– Прости, а почему ты так паришься из-за этого?

– А ты не догоняешь?

– Нет.

– Это же сильно упрощает мою жизнь. Если Пушкину там все равно, то мне уж подавно можно не напрягаться в попытках оставить след.

Бинго залпом убрал очередную сотку. Я воздержался. Мне стало вдруг неуютно от этой темы.

– А ты хочешь оставить след?

– Я начал об этом задумываться.

– Давно?

– С утра.

– Тяжелое утро было?

– Утро легкое, только если ты зря живешь. У нормального человека утро должно быть тяжелым. Да нет, утро было обычное. Деда тут встретил. Хочу комнату свою сдать, вот он меня и грузанул.

Я удивился. Бинго жил в отличной двухкомнатной квартире в соседнем со мной дворе. Она ему досталась от бабушки, и для двадцатипятилетнего историка, рухнувшего в менеджеры какой-то бессмысленной конторы, такая жилплощадь должна быть пределом мечтаний.

– В смысле, свою квартиру сдать?

– Нет, есть маза именно сдать комнату.

– Чтобы с тобой кто-то жил? На хрена?

– Да ты понимаешь, тут какое дело: иду я домой, а во дворе дед гуляет. Приличный такой, в пиджаке, очках и с палочкой. Видит меня и спрашивает: «Молодой человек, вы не в курсе, здесь никто квартиру не сдает во дворе?» Я сначала мимо ушей пропустил, а потом решил, дай разузнаю что к чему. Подумал, может, сдам свою хату, но выяснилось, что деду квартира нужна на несколько часов днем. Ну женат он, я так понял, завел зазнобу. Судя по всему, отель дорого, а квартирка моя в самый раз.

– Так и сказал?

– Ну я спросил: «Из-за бабы?» Он говорит: «Да». Вроде как, она тут рядом бывает и так всем удобнее. Просил не болтать.

– Ты не болтаешь, как я погляжу.

– Ой, да хорош тут мне дворянина включать, кроме тебя никто не знает. Вот всем интересно, с кем там у деда роман. Короче, подумал я, а чего мне комнату-то не сдать днем – и деньги не лишние, и деда осчастливлю. С работы успею свалить еще. Мы с ним так умеренно выпили, все обсудили, как говорит наш начальник, «вин-вин ситуэйшн».

– А почему в итоге ты про след-то заговорил?

Бинго нахмурился, как будто я ему напомнил о зубном.

– Да мы с дедом разболтались у меня на кухне, когда квартиру показывал. Он какой-то ученый советский. Все, разумеется, накрылось, но где-то есть завод, на котором что-то рабо-

тает, что он придумал. И я так понял, хреновина эта переживет и деда, и нас с тобой, потому что с тех пор ничего не поменялось на заводе. Так он гордится, что помимо детей оставил след. А я что оставляю? Ну хорошо, если детей, а в остальном, судя по нынешней ситуации, след будет, как от укуса комара: краткосрочный, но раздражающий. И тут мне показалось: выход есть. Если на том свете мне след не нужен будет, то на этом я как-нибудь с собой договорюсь. А вот если выяснится, что мне и там этот дед с вопросами своими неприятными являться будет, то как задним числом след нарулить? Поэтому я и напрягаюсь с утра. Завтра, думаю, работу по этой причине пропустить.

Я сразу решил, что не надо мне с таким дедом встречаться. Очень вредный для спокойной жизни человек. Тем не менее однажды пересеклись. Эти минуты я запомнил на всю жизнь.

Как вы понимаете, Бинго сдал распутному дедушке одну из своих комнат. Борис Сергеевич устраивал любовь раза два-три в неделю, чаще всего в одно и то же время. Предупреждал заранее о визите и оставлял после себя идеальный порядок. Нам даже как-то становилось стыдно за собственную расхлябанность и бардачность. Присутствие деда мы опознавали по вымытым чашкам, иногда бокалу, какой-то новой еде в холодильнике и открытым занавескам на кухне. Более всего нам хотелось выяснить, кто же его избранница. Ну как так?! Палочка, очки и три раза в неделю. До подглядывания опуститься мы не посмели, но судьба решила все сама.

Борис Сергеевич был до предела педантичен и если предупреждал, что покинет обитель в шесть, то в шесть ноль одну можно было заходить в пустую квартиру. Мы с Бинго на теме следов в истории очень подружились и все чаще заменяли паб либо его, либо моей кухней. И вот как-то, условно в шесть тридцать, идем мы к нему в квартиру, зная, что дедушка полчаса как должен уехать. С нами в парадную заходит миловидная женщина лет тридцати, обычная такая, не описать иначе, кроме как прохожая. Поднимаемся по лестнице и выясняется, что мы в одну квартиру.

Сцена немее не придумаешь.

Мы тут же начали нагло изучать объект любви нашего жильца. Нет, ну прям хороша. И главное – никаких стеснений. Лицо даже не изменилось, когда мы встали у одной двери. Мы уже хотели как-то свалить, ну мало ли ошибся со временем Ромео, но не успели. Дверь открылась. Борис Сергеевич был в расстегнутой рубашке, бледен и измучен.

– Верочка, спасибо что приехала. Мальчики, простите, что задержался. Сейчас мне укол сделают, и я уйду. Извините, нехорошо стало. Да вы проходите в кухню.

Борис Сергеевич был один. Только стакан воды на столе.

– Борис Сергеевич, убьет это вас когда-нибудь. Ну я же вам уже сто раз говорила, так нельзя. Старый вы для таких волнений.

Мы тоже подумали, что как-то не очень изобретатель выглядит. Пора заканчивать с любовью. И тут же решили сами отжигать, пока вот такая с иглой не придет с того света вытаскивать.

Вера достала какие-то таблетки, штуку для измерения давления, шприц и увела деда в спальню. Вскоре они вернулись.

– Борис Сергеевич, всё. Хватит. Запрещаю как врач и как друг. Умрете прямо здесь, сгорите, а вы ей еще нужны, как-нибудь все образуется.

Борис Сергеевич опустил голову.

– Ну дай я последний раз и пойду...

Он подошел к окну, стоял без движения минут пять, смотрел куда-то во двор, хотя я не очень понимал, что там такого интересного.

Я тихо спросил Веру:

– Куда он смотрит?

– Можно я расскажу, Борис Сергеевич?

Дед посмотрел на нас печально-счастливыми глазами и разрешил:

– Да теперь уж можно, все равно уезжаю.

– Внучка там его гуляет. У вас детский сад во дворике. Вот он и приезжает на нее смотреть. Родители так развелись, что их с бабушкой к внучке не пускают, только с судебными приставами, и каждый раз мамаша придумывает, как все сорвать. Вот он и ездит сюда все время. Сидит часами, и смотрит, и смотрит...

Я никогда не слышал до этого, как стучит мое собственное сердце. Стучит в каждом капилляре. И стыд... Такой тупой сверлящий стыд. Я не выдержал:

– Борис Сергеевич... Зачем же... Это же... Это же так больно...

Борис Сергеевич взглянул в окно еще раз, надел пиджак, посмотрел на нас тепло и изменил мой мир:

– Как вас зовут?

– Саша.

– Больно, Саша, в пустое окно смотреть, а в это просто тяжело. До свидания, ребята. Верочка, давайте до метро вместе дойдем.

Борис Сергеевич вышел из квартиры и больше не возвращался.

Бинго долго молчал, а потом сказал то, что жило в моей голове: «Что же вы делаете, сволочи, что же вы делаете...» Каждый раз, проходя этот двор, я смотрю на окно. Мне кажется, оно выгорело, как волосы у маленьких детей, бегающих летом под солнцем. Они не знают, откуда тепло. Да им и не важно. Тепло, и хорошо.

Ну а солнце... Солнце рано или поздно сгорит, пытаясь нас согреть.

Светлана Щелкунова

Приют всех брошенных и разлюбивших

Утро началось со звонка мужчиной любовницы. Матильда поняла это, потому что супруг замурлыкал, облизывая трубку, и голос его приобрел своеобразную гортанность. «Нет, утро не должно начинаться с таких вещей! Ну, пожалуйста, пожалуйста! – взмолилась она, снова засыпая. – Начнись с чего-нибудь другого!» Утро послушалось и началось с другого: с пения электродрели этажом выше. «Вот это уже лучше!» – подумала Матильда и окончательно проснулась. Дверь в ванную была приоткрыта. В эластичных трусах муж смотрелся потрясающе. И вообще, в свои сорок выглядел так, что молоденькие девочки строили планы и облизывали пухлые губки. Муж весело подмигнул и снова замурлыкал под нос: «Отречемся от старого ми-и-ир-р-ра...» Определенно он был похож на кота. Громадный, спортивного вида котяра самодовольно выгибал спину, задрав воинственно рыжий хвост. Бреющийся кот в эластичных трусах смотрелся комично. Матильда фыркнула и побрела на кухню.

Камикадзе метнулся под ноги. «Вы же знаете, что уже полдвенадцатого, и никто-никто в этом доме не удосужился меня до сих пор накормить!» – жаловался он пушистым тапочкам на ногах Матильды, покусывая их от нетерпения. «Да сейчас, сейчас!» – Матильда хотела насыпать корм, но животное мешало: отчаянно урча, атаковало миску.

– Сегодня не жди! – крикнул из коридора муж.

Слышно было, как облегченно крикнула дверь, вытолкнув супруга на лестницу.

Прошло уже три месяца с тех пор, как муж заявил, что любит другую, но семью разрушать не желает. Три месяца с того самого момента, когда Вселенная выскользнула из ее рук, разлетевшись вдребезги. Долго потом она пыталась собирать старенькую Вселенную, в которой ей так хорошо жилось, изрезала в кровь руки и не только, да так и не сумела найти всех осколков. И по сей день не хватает порой то Туманности Андромеды, то Красного и Черного морей, то Его любви. Три месяца Матильда плакала почти непрерывно, а неделю назад поняла, что устала. И еще поняла, что муж никогда не полюбит ее обратно, несмотря на обещания психолога. Отношения плавно переросли в дружеские. Она стирала его шмотки и отжимала полезные для его здоровья соки. Терпела, когда он являлся в три часа ночи и укладывался возле наполовину пустой супружеской кровати на матрасике. Вместо отчаяния в душе образовалась пустота, огромное, ничем не заполненное пространство. Новая Вселенная не выстраивалась.

Телефон взвизгнул. Она выронила ложечку, которой вот уже минут десять размешивала свои печали в давно остывшем кофе. Подруга предложила встретиться в кафе напротив. Подруга слыла светской львицей, обожала дорогие кафе и не любила встречаться у кого-нибудь дома. «К тому же у меня аллергия на котов!» – добавила подруга. Матильда задумалась – о ком это она? О маленьком безобидном Камикадзе или о муже? Краситься Матильда не собиралась, но из халата и тапочек пришлось все же вылезти и влезть в джинсы, хотя она и не видела ничего предосудительного в том, чтобы выйти на встречу с любимой подругой в халате и тапочках. «Все-таки еще зима!» – уговаривала себя Матильда, упаковываясь в старенькую шубу. Солнце снимало весеннюю пробу с города, поначалу осторожно, а потом все смелее дотрагиваясь теплым языком до блестящих окон и аппетитных сосулечек. Мимо настойчиво проплывали красные шарики в форме сердечек. «Сегодня же день всех влюбленных! – с огорчением вспомнила Матильда. – Так нечестно! Зачем влюбленным особенный день! Им и так хорошо. Устроили бы лучше праздник для всех брошенных и разлюбленных».

– Что у тебя с лицом?! – вместо приветствия возмутилась подруга.

– Забыла надеть! Прости! – Матильда плюхнулась на стул, сердито поглядывая по сторонам.

– А Тимка где?

- Мама забрала на выходные. Она хочет, чтобы я как-то устроила свою личную жизнь.
- И я хочу! Ты на себя в зеркало смотрела сегодня?! Накраситься забыла!

Матильда скромно промолчала о том, что сегодня забыла даже умыться.

- Ты опустилась, – продолжала бубнить подруга. – Надеюсь, ты не начала пить?

Матильда мысленно покраснела, вспоминая вчерашнее мартини.

- В нашем возрасте положено краситься и выглядеть на все сто!

- А я – на сколько выгляжу? На сто пятьдесят? – угрюмо проворчала Матильда.

- Ты – ужасно! Тебе надо срочно найти денежную работу и нового мужа, в крайнем случае – любовника.

Матильда усмехнулась. За соседним столиком сидел потенциальный крайний случай, скусающий мужик без кольца. Ох уж эти кольца! С недавних пор она ловила себя на том, что обращает внимание на мужские руки, а точнее – на их окольцованность. Как она ненавидела себя за это! Собственное обручальное колечко Матильда не могла снять даже с помощью мыла. За двенадцать лет оно органично вросло в палец, обменявшись с ним клетками. А мужик напротив смотрел выжидающе и даже подмигнул. Она машинально спрятала правую руку с предательским кольцом и показала мужику язык.

– Кругом столько мужчин! Тебе просто нужно открыться. Я тут читала одну книжку... Ты должна сказать самой себе, что свободна и готова для встречи со второй половинкой! И она обязательно появится, то есть – он. Но помни: множество мужиков станет увиваться вокруг тебя как мухи. И только один среди них – твой! Один! Тут главное – не ошибиться!

Потеплело – то ли от горячего шоколада, то ли от солнышка за окнами... Вот уже и лето. Матильда сидит в кресле-качалке на полянке. Кругом выются мухи. «Как надоели!» – отмахивается она от них полотенцем. А те все не отстают, норовя сесть на лицо, на оголенное плечо... «Вот сволочи!» – Матильда ловко прибила сразу пару штук. Испугалась: а вдруг одна из них – ее мужчина, ее потенциальный супруг? Бросила полотенце, вскочила с кресла...

– Ты что? Очумела? – Подруга схватила ее за руку. – У психолога давно была? Да сядь ты! Люди смотрят. Ой, а вон тот, напротив, как пялится! Он, между прочим, на тебя глаз положил. Да сядь ты прямо и хоть лицо сделай!

– Я же предупреждала, что дома его забыла! И потом, человек, наверное, смотрит на меня и думает: «Вот какие женщины бывают страшные – ненакрашенные и даже без лица!»

– Дура ты, Мотечка! Он на тебя не просто смотрит, а с интересом! Я же в этом понимаю!

– Конечно, интересно, если женщина без лица!

– Кретинка! Да ты у нас еще хоть куда! Одни глаза чего стоят! Между прочим, ты не страдаешь от недостатка мужчин рядом. Вот Женька твой, к примеру, чем не любовник!

– Ничем он не любовник, никаким местом, – рассердилась Матильда. – Я тебе сотню раз объясняла, что у нас иные отношения. И еще у него жена имеется, и дети!

– А вот это – предрассудки, – зашипела подруга. – Это ты брось! Жена! Я же тебе его не в мужья предлагаю, а так... легкий флирт. Ты хоть снова поверишь в красоту свою неземную! Не ценишь ты себя, Мотья!

Но Матильда себя ценила. И про то, что красивая, знала, и про глаза. Когда-то пару лет назад Игорек, в которого она была долго-долго и безнадежно влюблена, признался: «Ты, Мотечка, не такая, как все! Я когда не вижу тебя подолгу, так вроде и ничего, а как увижу – с ума схожу. Глаза у тебя невозможные, зеленющие, страшно даже. Ведьма ты!» Не была Матильда ведьмой, а может, и зря. Сварила бы зелье приворотное и супругу вместо сока подсунула: «Пей на здоровье!» И не надо было бы каждый вечер матрас с кровати снимать, и все было бы по-старому. Она тихонечко хлопнула носом и, прекращая воспоминания, резко отодвинула блюдо, чуть не скинув его со стола.

Три месяца Матильда боролась с ними, старательно заталкивая в пыльные ниши и полочки подсознания, но подлые то и дело выскакивали, подстерегая фотографией на стене

или дорогой сердцу безделушкой. Если бы муж бросил ее по-настоящему, ушел насовсем, может, было бы лучше. Потому что сам он, бреющийся по утрам в ванной или храпящий на полу, на матрасе, являлся самым большим и ярким воспоминанием. Это называется «развод по-русски». Но прогнать супруга – было выше ее сил. И потом, всегда есть надежда, а вдруг... «Нет, к черту надежды!» – сославшись на головную боль, Матильда попрощалась с подругой. Потенциальный муж посасывал молочный коктейль. И лицо его, заканчивающееся трубочкой, напоминало хоботок мухи. Муха плотоядно сопела, нащупывая хоботком очередное лакомство. «Не хочу!» – прошептала Матильда, выходя на улицу, надеясь, что станет легче.

Легче не стало, но уличная суета немного отвлекла ее, поминутно обижая шариками-сердечками и плюшевыми медведжатами. На город нахлынуло полчище плюшевых медвежат: с розовыми ленточками, на розовых подушечках, парочками и поодиночке. Солнце внезапно скрылось, повергнув город в сырую морось. Матильда нырнула в туман, что было неплохо, потому что опять вернулись слезы. Смешно, она столько плакала за последнее время, что думала, слез больше не будет. Глаза иссушило, на дне образовался песок, который мешал и кололся, казалось, больше нечем было плакать, но тут из какой-нибудь щели выползло воспоминание, пусть даже самое коротенькое, и слезы рождались снова, бесконечными потоками выплакивая его.

Матильда плыла в тумане, считая медвежат. «Пятнадцать, шестнадцать... двадцать... Если я сейчас увижу хотя бы еще одного медвежонка, меня стошнит!» Вместо медвежонка она увидела скрипача. Одной рукой он обнимал девушку, а другой – скрипку, прижимая обеих к груди. В его глазах читалось ожидание музыки, до надрыва, до плача. Скрипач поглаживал худенькую спину девушки, стараясь нащупать тревожными пальцами сквозь курточку, меж третьим и четвертым позвонком возлюбленной божественные звуки. «Вот! Вот! Сейчас!» Но звуки не нащупывались. Жалость к скрипачу, к самой себе мгновенно залила ту пустоту, что находилась внутри. Ей захотелось что-нибудь сделать, куда-нибудь броситься, закричать: «Да любите же меня! Ну хоть кто-нибудь!» А скрипач все обнимал и скрипку, и девушку. На его разочарованном лице плескались отблески огней неоновой вывески. Матильда подняла голову. «Приют брошенных и разлюбивших»!

– У вас тут на вывеске ошибка. Должно быть написано не «разлюбивших», а «тех, кого разлюбили»... – заявила она не совсем уверенно старенькому швейцару.

Тот принял ее шубу, улыбаясь:

– Нет-нет! Дело не в том, что вас разлюбили и бросили, а в том, что вы, вы САМИ разлюбили. Улавливаете разницу, дорогая Матильда?

– Чушь! – фыркнула она. – И откуда вы знаете, как меня зовут?

– Так на вас же, простите, написано!

И вправду, на стареньком свитере светились яркие буквы. Матильда прочла свое имя.

– Проходите, проходите! Вас давно ждут!

– Меня?

– Именно вас! Без вас просто отказываются начинать!

Швейцар легонько подтолкнул ее к дубовой двери с позолоченной надписью «Конференц-зал». Блестящая ручка с радостью поддалась. В битком набитом зале сидели мужчины и женщины всех возрастов, одетые весьма странно. На одних – деловые костюмы и рабочие комбинезоны, на других – домашние тренировочные штаны или вовсе халаты. И у каждого на спине или на груди – имя: Дарья Петровна, Анна, Семен Викторович, Олечка, Жорик...

– Садитесь скорее! Мы ждем! – попросил со сцены импозантного вида мужчина в костюме белее летних облаков.

– Но тут же мест нет!

– Шутите! Для вас, милочка, всегда найдется местечко! Ну-ка, потеснитесь, сердечные!

Народ потеснился, Матильда села между Семеном Викторовичем и Жориком.

– Итак, все в сборе! Мы начинаем. Сердечные мои! Всем вам давно стало понятно, что так больше продолжаться не может! Ну не может... человек без любви! Так уж он устроен, таким его создал Господь. – Мужчина воздел руки к небу и одарил всех теплейшей улыбкой. Улыбался Семен Викторович, лыбился Жорик, Матильда и сама улыбнулась, тая от наступившего наконец покоя. – Но так уж произошло, что вас разлюбили, бросили. Случилась с вами такая неприятность. А вы сразу спасовали... – Семен Викторович вздохнул.

– Опустились, озлобились. Некоторые даже за бутылку взялись...

В наступившей тишине громко икнул Жорик.

– Ну нельзя так, нельзя! – Выступавший погрозил в зал изящным пальцем. – Вы ведь созданы по образу и подобию Его! Вы ДОЛЖНЫ источать любовь и радость на земле! ДОЛЖНЫ любить всех и все вселенской любовью! И, поверьте, ваше чувство вернется к вам во сто крат!

Жорик толкнул Матильду локтем:

– Клево!

– А кто это?

– Амур!

– Так он же вроде маленький, голый и с крылышками!

– Вырос, постарел, – объяснила сидящая по другую сторону Семена Викторовича дама в халате. – Взрослому голышом неприлично, вот костюм и выдали, а крыльев под костюмом не видать!

– Тише вы, мешаете! – зашикали на них со всех сторон.

Амур продолжил:

– Очнитесь! Неужели вы всего лишь Его ошибка?! Но у Него не бывает ошибок! Значит, произошедшее с вами несчастье задумано. Оно необходимо вам для вашего же блага, для вашего духовного роста. Вот вы, к примеру, Семен Викторович, выросли бы так, если бы ваша жена не сбежала от вас к молоденькому художнику? Написали бы свое знаменитое полотно, которое выпрашивают сейчас парижские галереи?! А? Выросли бы?

– Нет! – крикнул вскочивший сосед.

А вокруг подхватили:

– Нет! Куда ему! Хрена бы он написал, а не полотно!

– Вот! – обрадовался Амур. – Значит, эта потеря была просто необходима! А вы, Матильда? Ну-ка, встаньте!

Матильда встала.

– Три месяца рыдаете как безумная! Так почему бы вам не взять перо, бумагу и не сочинить нечто гениальное, бессмертное – статью, очерк или даже роман?

Матильда удивилась: «А действительно, почему?»

– Мир уже ждет вас, он предвкушает... Пути Господни неисповедимы. Откуда вы знаете, что Он вам уготовил?! Вот вы сейчас мне скажете, что в свои тридцать шесть да с ребенком вы никому уже не нужны?!

– Скажу! – осмелела Матильда.

– Не смешите меня! – Амур рассерженно взмахнул руками. – Да сотни мужчин с радостью примут вас и вашего ребенка! Примете?! – крикнул он в зал.

– Примем! Примем! Еще как! – с готовностью отозвалось множество мужских голосов.

– Слышите?! Садитесь, и пусть вам будет стыдно! Сердечные, не будьте эгоистами, порадитесь же за тех, кого вы любили раньше. Им хорошо! Прочувствуйте эту радость!

Откуда-то из-под потолка полилась музыка. Золотистый теплый свет охватил присутствующих.

– Закройте глаза! Пусть вселенская любовь заполнит ту пустоту, что образовалась в ваших душах... Откажитесь от привязанности. Отпустите своих бывших возлюбленных и откройтесь для новых...

Матильда уже не слушала, засыпая, сладко покачиваясь из стороны в сторону.

– Эй! Очнитесь! Пора! – потрянул ее за плечо Семен Викторович.

– Куда еще? – недовольно зевнула Матильда.

– Вперед, к своей второй половине!

Народ толкался у дверей. Молодые люди и девушки в одеяниях небесного цвета со списками в руках распределяли публику: «Вам в сектор А... Фамилия? Кабинет 28. А ваша?» Матильда потолкалась вместе со всеми и послушно отправилась в зал, который назывался почему-то «сектором А». Люди, находившиеся в секторе А, были, несомненно, людьми творческими. Небрежная, но изысканная одежда, одухотворенность на лицах. Милая девушка ходила по залу, записывая на руке у каждого номер фосфоресцирующей краской. У Матильды оказался номер 33.

– А что с нами будут делать? – обеспокоенно повернулась она к стоящей рядом очаровательной старушке в льняной хламиде.

– Нам помогут найти вторые половинки! – обнадежила старушка. – Мы сами не справились, растерялись. У нас не хватит ни сил, ни мужества на поиски. Теперь нам помогут, и мы обязательно будем счастливы. Вы, милочка, не волнуйтесь!

Но Матильда разволновалась, представляя, каким же образом ей помогут. И почему-то ей расхотелось быть счастливой. В это время старушка ринулась в первые ряды, потому что в зал вошел Амур:

– Итак! Поздравляю. Очень скоро вы будете счастливы и влюблены!

– А как?!

– И где гарантии? – слышалось из толпы.

– Вот, девушка вам сейчас все объяснит. А я, простите, не в голосе. Трудно с вами, земными, говорить приходится, не привык я...

Девушка поднялась на небольшой подиум:

– Только не волнуйтесь! Все пройдет замечательно и легко, в три этапа. Каждый получит таблетку, которая избавит его от прежних привязанностей. Вы наконец обретете душевный покой. Затем будет проведен сеанс божественной терапии. Вы настроитесь на волну вселенской любви. А потом отправитесь домой, в течение непродолжительного времени встретите своего избранника или избранницу и обязательно влюбитесь!

– А как мы узнаем, что это именно он или она?

– Не бойтесь! Обязательно узнаете, почувствуете! И пусть вас не смущает ни возраст, ни социальный статус возлюбленных. Это будет именно тот человек, который предназначен судьбой, уготован Богом, тут уж кто во что верит!

Народ оживился, выстраиваясь в очередь, и Матильда машинально встала, сжала в руке выданную серебристую пилюлю. Во второй руке из ниоткуда возник пластиковый стаканчик с голубой жидкостью. Люди вокруг поспешно глотали таблетки, запивая их из таких же стаканчиков. Матильда не торопилась: «Интересно, а где же лук и стрелы и почему пилюля? Вот, значит, оно лежит на ладони, мое счастье, моя судьба. И очень скоро я встречу любимого. Какой он, кто он? Может, вон тот молодой человек с длинными волосами до плеч, который улыбается напротив? Нет, пожалуй, слишком молод...» А слишком молодой человек тем временем подмигнул ей и проглотил таблетку. Мотя вспомнила мужчину из кафе, мужа в эластичных трусах и плюшевых мишек... Сунула таблетку в карман джинсов и под шумок улизнула из сектора А.

– Куда это вы? Что-то рановато! – Швейцар сурово глянул поверх очков. – Одну минутку. Я сейчас выдам шубку, только позвоню куда следует... – Он лихорадочно набирал номер на старинном телефонном аппарате.

– Не надо шубы... Я так!

Матильда не помнила, как выскочила из «приюта», как побежала по туманной улице, расталкивая прохожих. Не помнила, как добралась до квартиры, и только дома почувствовала, что дико замерзла. Стуча зубами и обнимая Камикадзе, еле дождалась, пока в ванну наберется горячая вода. Наконец она оттаяла, разомлела в зеленоватой пене, отгоняя от себя всякие мысли, не давая им нарушать дремоту. Сквозь сон услышала, как надывается телефон. «Не пойду! – лениво решила она, но потом подумала: – А вдруг я кому-то нужна? Вон как переживают!» Выскочив из ванной, подбежала, схватила трубку.

Сколько раз она замирала, останавливая дыхание, услышав этот голос.

– Алло? Привет, Мотечка! Ты сейчас чем занята? Я тебя отвлекаю?

Ну не сказать же ему, что она стоит сейчас голая и потоки воды стекают по ее ногам.

– Нет! Я тут книжку читаю по криминалистике. А ты чего хотел?

– Встретиться! У нас еще есть время до вечера. А как у тебя вообще? Как ты?

– Чудно! С главврачом одного морга договорилась и с психиатром.

– Ты меня пугаешь. Что тебе к психиатру пора, я давно знал, но вот морг...

– Кончай паясничать! – Тело покрылось гусиной кожей и приобрело синеватую окраску. Чертовски дуло из окна, но разговор прерывать не хотелось.

– Ладно! Сдаюсь! Ты молодец! Так все оперативно делаешь. С тобой мы его быстро напишем!

Матильда прикрыла глаза. Вода перестала стекать, удовлетворившись небольшой лужей на паркете.

– Смотри, не загордись там. А ты мой кусок прочитала? И как тебе?

– Да, конечно, здорово! Ты по-другому не можешь! Ты же гений, самый гениальный гений! – запела Мотя, разводя лужу по сторонам большим пальцем правой ноги.

Женька притих, Матильда даже испугалась, что переборщила с похвалами, но он справился и благополучно вынырнул. Они договорились встретиться через полтора часа в «Идеальной чашке».

Когда торопишься, ни фи́га не получается. Лак вел себя отвратительно, не желал ложиться на ногти. Тушь норовила попасть в глаз и, гадливо усмехаясь, склеивала ресницы. Волосы боролись с расческой. Но, взглянув в зеркало, Мотя утешила себя тем, что в свои тридцать с большим все же выглядит прилично и, к тому же, глаза ей сегодня удались, особенно левый.

В «Чашке» пришлось поскучать. Изобразив величайшую занятость, она уткнулась носом в «Криминалистику», потом сняла и повесила куртку, пересела за другой столик, заказала-таки крохотную чашку кофе, чтобы не огорчать официанток; зевнула... Вот и он, машет рукой! Матильда вскочила навстречу. А он улыбнулся: «Прости! Пробки!» Разве на такого можно сердиться?! Да ради него она была готова пойти на что угодно! Матильда задумалась, а вот на что именно? Ради него она готова была мчаться на край города среди ночи, встречаться с главврачом морга, с частным сыщиком, психиатром; даже, наверное, с настоящим убийцей. Ради него она решила писать детектив. Не ради него, конечно, а только чтобы иногда быть рядом. Зачем ему, преуспевающему журналисту, этот малоперспективный проект? Так, новая игрушка. Женька придумал писать вместе с ней, чтобы она почувствовала себя нужной, чтобы направить ее любовный пыл в безобидное творческое русло. Когда-то она имела неосторожность... Нет, жизнь Евгения Ланского к тому времени уже устоялась. Любимая жена, дети, ответственность. А он был очень ответственным! Просто патологически. И к чему эта лишняя головная боль, влюбленная по уши женщина, хотя бы даже милая и чудная?! Писать детектив было мудрым и щедрым с его стороны решением. Матильда ценила в мужчинах мудрость и щедрость и была благодарна Женьке. К тому же, верный друг в ее возрасте, наверное, гораздо лучше, чем несостоявшийся любовник. Совместное творчество, по сути, та же любовь, только

этажом выше. Те же вдохновение, экстаз, охлаждение и снова экстаз, а потом томительное ожидание появления на свет «плода любви».

Зато теперь она ютилась на длинноногом стуле, как довольная квохчущая курочка на насесте, рискуя каждую минуту свалиться и пытаясь изящно кушать заказанное Женькой пирожное со взбитыми до невероятных размеров сливками.

– Что с трупом будем делать? – громким шепотом спросил он.

Официантка задрожала подносом. Тетки за соседним столиком застыли с раскрытыми ртами. Мотя уткнулась носом в пирожное. А Женька, как ни в чем не бывало развалившись на стуле, затянулся сигаретой. Вот всегда так, введет окружающих в транс случайно брошенной фразой, а сам как бы ни при чем. Отдуться пришлось Матильде:

– У меня двоюродный брат бывшего мужа – мент. Позвоню, спрошу, что делают с найденным телом, кто первый приезжает, куда увозят... Уф! Нелегкое это дело – детективы писать, – вздохнула она демонстративно и сделала изящный жест ручкой. Словно нажала на невидимую кнопку.

Тетки живо включились и затараторили, поднос поплыл дальше. Ласково улыбнувшись, Женька вытер ей нос салфеткой и посетовал: «Эти пирожные – вещь неудобная! Представь, если бы тебе предложили съесть такое на приеме у английской королевы?!» От почти что отцовских, но таких нежных прикосновений она превратилась в желеобразный десерт, плавающий в роскошной вазочке с сиропом. Правда, пока он читал написанный ею кусочек, от волнения чуть не сжевала салфетку, наблюдая за тем, как его взгляд пробегает по странице, то ускоряясь, то спотыкаясь на слове. Закончив, он оглядел ее с головы до пят:

– Нет, это никуда не годится!

Матильда принялась медленно сползать под стол, но соавтор ловко схватил ее за свитер:

– Я имею в виду, все так замечательно, что я просто не понимаю, зачем я тут вообще нужен. Ты все и без меня прекрасно делаешь.

Мотя-Курочка обрадованно заклохоталась, усаживаясь поуютней на насесте. Но Женька, вытащив из ее рта недожеванный кусочек салфетки и бросив на стол,скомандовал: «Пойдем! Опаздываем!»

Это был творческий вечер одного модного забавного писателя. Народ по большей части оказался родной. Беззаботная рыбка Матильда, расправив золотистые плавнички и миленький хвост, плавала между знакомыми стайками, предпочитая общение с мужчинами и проверяя их на окольцованность. К Евгению старалась не подплывать, показывая всем своим видом, что она рыба самодостаточная и всю интересуется другими представителями противоположного пола. Особенно ее сегодня привлекал друг Женьки, молодой небесталаный поэт. Конечно, он молод, но она, в конце концов, женщина свободная и может себе позволить небольшой скандальный роман. Вот интересно только, как к этому Женька отнесется? Подойдя поближе к поэту, отчаянно кокетничая, завела разговор, но, опустив руку в карман, неожиданно вытащила пилюлю.

– Что это? – спросил поэт, картинно склонившись. Его длинные волосы неприятно щекали ладонь, словно щупальца крупной медузы.

– Так, ничего, – сухо ответила Матильда и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, направилась к выходу.

– Слишком хорош и молод. И еще все... так просто, будто нарочно, будто специально! – пробормотала Матильда и подошла поближе к Женьке: – Я – домой!

– Подожди, подожди немного. Я поговорю сейчас с одним человеком и провожу. – Он мягко привлек ее к себе, продолжая разговор с бородатым здоровяком. Так привлекают к себе ребенка, расшалившегося во время разговора взрослых, чтобы показать, как его любят, чтобы он потерпел еще немного, пока у мамы или папы найдется для него время. От Женьки пахло водкой и потом, но это вовсе не было противно.

Матильда обожала его пьяного, он говорил приятные вещи, от которых замирало сердце и голова уплывала в неизвестном направлении, удаляясь от тела. Но она знала – не стоит слишком верить ему пьяному, все это мираж, и наутро по телефону он будет нарочито сух.

– Ничего, я сама! Я уже большая девочка!

– Ты уверена? Уверена, что доберешься?

Женька схватил ее за руку, ладони у него были сухие и теплые. Ей до смерти захотелось поцеловать одну из них, но он, опередив, поцеловал уже сам ее руку.

– Доберусь!

Погладила Женьку по небритой щеке, медленно, запоминая эту его небритость, и скорей, скорей, не оглядываясь.

На улице Матильда выкинула пилюлю. Снег окрасился в голубоватый цвет, чуть зашипел и принялся таять. Большущая псина бросилась к голубому пятну, слизнула таблетку. «Вот кому сегодня повезет и кто сегодня станет счастливым!» – обрадованно хихикнула Мотя и помчалась домой.

А дома ее ждал сюрприз. Она и забыла, что мама грозилась привезти сегодня сына. Тимошка сопел на родительской кровати, закутавшись в ее халат. «Как здорово, что муж сегодня не придет! Не надо снимать матрас и будить Тимку!» Матильда пробралась на кухню и за каких-нибудь полчаса опустошила полхолодильника. Правда, не без помощи услужливого Камикадзе.

Она легла рядом с Тимошкой. Супруг не разрешал ей этого делать, даже когда сам наглым образом спал на матрасе на полу – говорил, что у мальчика разовьются комплексы. «Ничего, за одну ночь не разовьются!» – проворчала Мотя, прижимая к себе теплого Тимку. Со спины ее грел довольный обожравшийся Камикадзе.

«Может, это и есть мое счастье? Чего еще желать женщине в моем возрасте? Опять влюбляться, страдать от тоски, от невозможности, терять, мучиться... Ну уж нет! Для счастья хватит этих двоих!» Она подумала о Женьке, о его сухих ладонях, о молодом поэте с медузными волосами и о собачке. Интересно, найдет ли та сегодня свое счастье?

Светлый ангел в небесах лишь головой покачал да рукой махнул. Никогда он не понимал этих женщин! И чего им нужно?!

Артак Оганесян

Идеальное утро для ловли транзитных пассажиров

– Первым делом, как отоспишься после джетлага, пойдем в Центральный парк, – сказал отец дочери.

– А зачем? – спросила та.

– Может, с тобой мне повезет узнать, куда деваются утки, когда пруд в парке замерзает.

– Папа, опять ты... – пожурила его дочь со снисходительной улыбкой, которая может быть только у тринадцатилетней девочки, начинающей понимать, что и у родителей могут быть свои причуды.

– Вот и водитель манхэттенского такси, у которого я как-то спросил, не знает ли он случайно про уток, повернулся и сказал, что я над ним смеюсь или просто чокнутый.

– Па-ап, ну за кого ты меня принимаешь? – возмутилась дочь. – Я уже прочла весь сборник, который ты мне прислал в подарок, хотя мама говорила, что мне по возрасту еще рано.

– А мама тебе говорила, что она тоже была фанаткой этого Писателя?

– Говорила-говорила, а еще добавляла, что она выросла из этого, а ты так и остался подростком.

– Ну и отлично, значит, мы с тобой, как два тинейджера, легко найдем общий язык!

Он пододвинул рюкзак так, чтобы вытянуть на него ноги. Им предстояло провести в транзитной зоне франкфуртского аэропорта еще три часа. После развода и его переезда в Штаты это были первые каникулы, на которые бывшая жена позволила ему забрать дочь.

– Пап, а ты действительно живешь в его книгах? Ну, то есть, мама говорила, что у тебя в голове до сих пор одни только воображаемые Джими Джимирино. И работа у тебя такая дурацкая, типа вокруг его творчества.

– Можно и так сказать, – выдохнул отец. – Типа вокруг... Когда-то я был искусствоведам. И это мне жутко нравилось. Но от нынешней моей «дурацкой» работы я и вовсе тащусь! Представляешь, я выдумываю всякую чепуху, и ее экранизируют. И за это еще платят. По большей части я просто выдергиваю идеи у разных авторов, чаще всего ворую у того самого Писателя... ну, ты понимаешь. Кстати, говоришь, ты прочитала его сборник... а что тебе больше всего из его вещей понравилось?

– Не знаю, я не всё там поняла. Вроде как просто, а дочитаешь – и что про что, не знаешь.

– Но что-то же понравилось?

– Про бейсбольную рукавицу, которая была изрисована стихами.

– Да, классный флешбэк про рукавицу брата. Вся тоска и грусть, что брата рядом нет. Ты знаешь, я как-то засиделся в Центральном парке, наблюдал за мальчишками, которые гоняли мяч. Стало темнеть, они почти не видели мяч, но продолжали игру. И тут я понял, что очень соскучился по тебе.

– Па-ап, опять момент из книги. Ты что, меня проверяешь, читала я или нет?

– Ага, – улыбнулся отец и прижал к себе дочь, ероша ей волосы.

Она тряхнула головой, прическа приняла прежнюю форму, после чего дочь устроилась поудобнее, заняв два кресла – все равно весь ряд был пустой, – и положила голову на плечо отцу.

– Папа, неужели ты свои сценарии надергал из книг своего Писателя?

– Не все, конечно, но бывает под настроение, – усмехнулся отец.

– А можешь мне сейчас придумать? И чтобы не по-детски взрослую историю. Пусть она будет чрезвычайно трогательная и слегка мерзостная. Ты же, пап, имеешь достаточное представление о мерзости?

Отец был в восторге от точности цитирования.

– О да! Я приложу все усилия. А про кого рассказ будет?

– Про какого-нибудь пассажира и... – она тянула «и», приподняв голову в поисках второго персонажа: – ...и вон ту девушку в смешных очках, которая открывает магазин.

– Которая крутит рукоятку жалюзи? – уточнил отец, хотя ошибиться было невозможно: в этой части терминала магазин был один.

Но дочь не ответила, она вдруг вскочила и воскликнула:

– Ой, какой классный!

По залу ожидания шел человек в униформе. А впереди него на поводке бежала небольшая собака со свисающими ушами, тоже в униформе – маркированной шлейке. Она деловито обнюхивала ковролин и ножки кресел, иногда вытягивала свой длинный нос к их подлокотникам. Когда пара приблизилась, отцу с дочерью удалось прочесть надпись на их шевронах: «Служба безопасности».

– Доброе утро, офицер! – обратился отец к сотруднику аэропорта.

– Доброе утро, – приветливо ответил тот и остановился.

Дочь протянула было руку, но задержала ее на весу и спросила:

– Можно?

– Вообще-то нет, но пока никто не видит, можно, – ответил офицер, понарошку прикрыв ладонью глаза.

Наблюдая, как дочь гладит волнистую шерсть собаки, отец сказал офицеру:

– У вашей собаки такие умные и добрые глаза. Я всегда думал, что служебными могут быть только серьезные овчарки.

– Не только, у нас работают разные породы. Лабрадоры, к примеру.

– А это что за порода?

– Кокер-спаниель. У них великолепный нюх и острое зрение. Они небольшие, легко могут пробираться под сиденья, в узкие проемы и все такое. Ну и совсем не пугают пассажиров, наоборот, располагают к себе.

И в подтверждение своих слов офицер кивнул на девочку, которая теребила собачьи уши. Обладательница этих длинных висячих шелковистых ушей терпеливо сидела на месте, позволяя играть с собой, словно это тоже входило в ее служебные обязанности.

– Как я хочу собаку! – заявила дочь отцу, глядя, как офицер с собакой удаляются. – А мама не разрешает.

– Понятно, – беспомощно вздохнул отец.

– Да ну эту продавщицу, хочу историю про собаку! – заявила дочь.

– О-о! – простонал отец. – Не уверен, что у Писателя были книги про собак. Но ладно, дай мне время.

– Я немного посплю, а ты пока сочиняй, – предложила дочь, снова улеглась, положила голову на колени отцу и закрыла глаза.

Стараясь не задеть дочь, отец достал телефон и принялся искать в текстах Писателя, которые у него всегда хранились в «читалке», упоминания собак. И – надо же! – сразу же обнаружил. К тому же не просто собаки, а именно – спаниеля.

И вот такую историю он рассказал дочери, пока они долго-долго летели через Атлантику.

* * *

Она еще в первый раз, когда он зашел в ее книжный магазин, поняла, что он ей симпатичен, потому что не похож на других. Он улыбнулся в ответ на ее дежурное «Доброе утро!». Она только-только открыла магазин, подняв и закрепив металлические роль-ставни, отделявшие торговую площадь от перехода из терминала в терминал. Он был первым посетителем в то утро.

В это время в транзитной зоне бродят весенними мухами недоспавшие, спросонья или вовсе не смыкавшие всю ночь глаз пассажиры прибывающих восточноевропейских рейсов. У них слишком большой интервал между стыковками, чтобы спешить, но в то же время недостаточно долгий, чтобы устроиться где-нибудь в зале ожидания подремать. Вот они и бродят по аэропорту, моргая покрасневшими глазами, бесцельно заглядывая то в сувенирный, то в книжный, изредка решаясь забрести в один из бутиков, а чаще всего пропадая в супермаркете беспошлинной торговли.

Так вот, если кто из таких и оказывался среди прилавков с книгами и слышал бодрое приветствие молоденькой продавщицы в очках с ярко-красными дужками, то устало выдыхал что-то в ответ, даже не обратив внимания на ее оригинальную оправу.

Этот же мужчина посмотрел в глаза и улыбнулся. Не из вежливости, а от души. В первый раз она еще могла подумать о том, что ей показалось, но ровно через неделю в то же время он стоял на пороге, терпеливо дожидаясь, пока она включит освещение, заправит рулон бумаги в кассу и выполнит все остальные действия для открытия торговой точки. Она знала, что он смотрит на нее, но, только лишь завершив все, подняла голову и поприветствовала его. Он ответил, широко улыбнувшись, и прошел внутрь, везя за собой аккуратный чемоданчик на колесиках, ловко лавируя с ним между стойками с выложенным товаром. Почему-то его чемоданчик смахивал на собаку на коротком поводке.

Он прилетал по понедельникам и улетал через два или три часа одним из трансатлантических рейсов. Если бы он приобрел книгу или хотя бы какой-нибудь переходник для розетки, она бы точно узнала пункт назначения по предъявленному посадочному талону. Он неторопливо, но не особо задерживаясь, просматривал обложки и корешки книг. Выбор в аэровокзальном магазинчике был всегда небогат, ассортимент менялся не так часто, как он летал, так что ему достаточно было нескольких минут, чтобы обойти все полки. Когда же он попадал на новое издание, то брал книгу в руки, начинал изучать аннотацию на обложке, потом раскрывал на случайной странице и читал отрывок, будто смаковал текст.

Обычно в эти часы других посетителей не было, поэтому она, делая вид, что занята раскладкой товара и прилавком, краем глаза наблюдала за ним.

В один из понедельников, выбегая из парфюмерного дьюти-фри напротив выхода из зоны контроля безопасности, она заметила его. Он как раз подходил к ленте, чтобы уложить свои вещи для просвечивания рентгеном. Одной рукой, согнутой в локте и ладонью вверх, он держал контейнер с верхней одеждой, другой нес чемодан. Его движения были размеренными, никакой суетливости и нервозности, присущей пассажирам в такие неприятные моменты поездок. Как и большинство часто летающих пассажиров, он наверняка привык к местным ритуалам. И все-таки он был чрезмерно уверенным и спокойным. Вот он непринужденно протянул ремень сквозь петли пояса брюк, потом потянул пряжку в одну и в другую стороны, затянув тем самым, и застегнул. Надев пиджак, достал из контейнера и разложил по внутренним карманам бумажник, паспорт и посадочный. Вскинул левую руку, правой переметнул через запястье левой часы и замкнул браслет часов. Окинув взглядом контейнер и ленту, чтобы убедиться, что ничего не забыл, он щелчком вытянул длинную ручку чемодана и покатил его за собой. Все его движения были словно отточены и выверены, даже чемодан, как хорошо выдрессированный пес, не мешал ему, а гармонично дополнял...

Тут она спохватилась. Он же направляется в ее магазин! Думала броситься наперегонки, но сдержалась. Пассажир, как только свернул в транзитный коридор, увидел закрытые рольставни книжного, знакомым жестом вскинул левую руку, посмотрел на часы и... продолжил свой путь.

В следующий понедельник она приехала пораньше, чтобы наверняка быть готовой встретить его. Так, из месяца в месяц с редкими исключениями, ее рабочая неделя начиналась с этого первого посетителя. Его обратные рейсы не совпадали с графиком ее смен, она не знала,

возвращается ли он в пятницу или в субботу, могла только предполагать. Спросить, то есть заговорить с ним, ей не хотелось, она боялась, что пропадет тот ореол загадочности, которым она увенчала этого мужчину.

До того дня, когда она поняла, что что-то у него не так. В его шаге пропала твердость, в его взгляде исчезла решительность, а самое заметное – его улыбка больше не светилась обаянием. Он даже задел краем чемодана угол нижней полки, и с нее свалилась на пол коробочка с каким-то дурацким сувениром. Как будто собачка волочащимся хвостом смахнула.

И все же продавщица не осмелилась обратиться к посетителю. Мало ли что могло испортить настроение человеку, даже такому успешному и уравновешенному. Может, бессонная ночь выдалась.

Когда же и через неделю он кивнул ей в ответ на пожелание доброго утра без огонька в глазах, она не сомневалась, что дело серьезно, и впервые за эти месяцы осмелилась нарушить свое же табу:

– У вас что-то случилось?

Он удивленно вскинул брови, как будто не она, а кассовый аппарат заговорил.

– У меня?! – начал было он переспрашивать, но неожиданно поменял тональность и проникновенным голосом ответил: – Знаете что? Я себя неважно чувствую. День был трудный. Честное благородное слово.

– А в чем дело? Могу ли я помочь? – совершенно искренне предложила девушка.

– Да ни в чем, – ответил мужчина, еще больше оживившись, и доверительно поделился: – просто я совсем недавно перенес операцию.

– Да что вы говорите?! – всплеснула руками продавщица. Даже не подумав, что вопрос бестактный, сразу же спросила: – А что за операция?

– Мне вырезали это самое... ну, клавикурду!

И тут ее словно молнией ударило или ушатом ледяной воды окатило!

Она же знала это слово, она же прекрасно знала, кто и когда так сказал.

Девушка пристально посмотрела в глаза мужчине, пытаясь уловить издевку. Он выдержал ее взгляд с совершенно невозмутимым видом.

– Та самая клавикурда, что фактически внутри в спинномозговом канале? – медленно и неуверенно, по слогам выговорив «спин-но-моз-го-вом», будто с трудом вспоминает, уточнила она.

Второй раз за это раннее утро он вскинул брови в удивлении, затем широко улыбнулся:

– Да, та самая, что глубоко в спинном мозгу.

Тут и она улыбнулась.

Оба заговорщицки смотрели друг на друга, продолжая самозабвенно улыбаться. Жаль, что никого не было рядом, чтобы эти двое почувствовали свое превосходство, чтобы они показали всем своим видом, что их объединяет нечто, что другим недоступно, о чем непосвященные даже не догадываются.

– Никогда не думал, что продавщица в книжном аэропорта читает книги! – Он сказал это с большой долей снобизма в интонации, но с такой улыбкой, что оно не звучало обидно.

– А вы кажетесь довольно интеллигентным для американца, – парировала она цитатой.

Будучи на пятом курсе филологического, она наизусть знала произведения своего любимого Писателя.

– Как минимум, я в курсе, что говорит одна стенка другой, – рассмеялся он, словно прочитав ее мысль, – как раз сейчас перечитываю рассказы этого Писателя. Я всегда, когда на душе паршиво, обращаюсь к его произведениям.

Он оценивающе разглядывал ее, будто впервые за эти месяцы увидел. Она, чтобы скрыть смущение, огляделась вокруг, рутинным взглядом зафиксировала, что в магазине все в порядке. Заодно удостоверилась, что посетителей не прибавилось, они одни. Она привыкла так

время от времени проверять, потому что бывало, что зачитывалась и не замечала, как покупатели оказывались перед кассой, готовые оплатить товар.

– Мы в старших классах обожали его книги. Это было так давно! – начал он объяснять. – А потом мы стали как те рыбки...

– Вы нашли пещеру? – Она перебила его, сделав попытку предугадать.

– Да, а там – куча бананов.

– И вы «как те рыбки» по-свински наедаетесь ими...

– Не совсем, но... в целом... – замялся мужчина, однако не стал сглаживать углы, – именно так, недавно одна съела семьдесят восемь бананов.

– Так значит, не клавикорда, а банановая лихорадка! – утвердительно провозгласила она.

Мужчина отвел глаза, потому что она попала в точку. Она чувствовала, что он готов был бы выговориться, но подавляет свой порыв, а потому лихорадочно (надо же, банановая лихорадка – лихорадочно) ищет литературную аналогию. Ей стало неловко смотреть, как этот сдержанный деловой человек так стушевался, и она решила помочь ему.

– Когда вы идете по терминалу с этим вашим чемоданчиком на колесиках, смотрите так, словно лондонский аристократ выгуливает своего породистого пса.

– Вы поэт? – спросил он.

– Поэт? – переспросила она. – Да нет. Увы, нет. Почему вы спросили?

Она уже не соображала, говорит ли сама или выдает прочитанные много раз слова из обожаемого сборника рассказов. Создавалось полное ощущение дежавю.

– Не знаю. Поэты любят навязывать эмоции тому, что лишено всякой эмоциональности.

– Я так понимаю, сами вы не подвержены эмоциям? – Ей захотелось подколоть его.

Он же вот-вот раскрылся бы, но остановился. Это ее сердило и даже злило.

– Если и подвержен, то не помню, когда в последний раз я давал им выход. Не вижу, какая от них польза. Как и от этого премилого песика. – Он кивнул на свой чемодан. – У него гадкие манеры и я с ног до головы облеплен его шерстью. У вас есть собака?

– Нет, – и, удивляясь сама себе, что помнит столько слов из книг Писателя, добавила, глядя на его чемодан: – Мне бы завести такого же спаниеля, что ли, пусть хоть кто-нибудь в семье будет похож на меня.

Он рассмеялся удачно подобранной ею фразе. Она же вздохнула. Эта игра перестала быть забавной. Одна цитата сменяла другую, образуя иносказательные шарады. Наверное, он заметил ее нетерпение услышать его историю, поэтому не стал забрасывать словами Писателя.

– Я был как собачка, – мужчина снова кивнул на свой чемодан, – бегал за ним. Он был самым крутым из руководителей нашей компании, ну, в нашем регионе. Я услышал о нем в первый же рабочий день и сделал все, чтобы попасть в его команду.

– Уверена, что у вас получилось! – подбодрила она рассказчика.

– Конечно. Я всегда своего добиваюсь, – без ложной скромности заявил он, – но мне надо было больше, чем просто попасть в Клуб команчей.

Повисло неловкое молчание. Ожидалось, что он раскроет сказанное. А он молчал. Она опять задумалась, стоило ли толкать его к откровению. Вдруг это любовная драма про то, как он отбил девушку в меховой шубке у вождя племени?! В то же время она боялась, что под бледно-алой маской из лепестков мака покажется жуткое уродливое зияющее отверстие.

Мужчина продолжил сам:

– Когда мы вместе с ним ездили к клиентам, я восхищался тем, как он лихо водит машину, как элегантно носит костюмы, как убедительно говорит, как умеет обаять всех – от смазливых секретарш до прожженных начальников.

– Но со временем вы его переплюнули, верно?

– Нет. Точнее, в чем-то да, например, я стал гонять на мотоцикле. Или вот он любил ходить под парусом, стоя за штурвалом яхты, а я научился сплавляться на рафтах и катамаранах. А потом и на каяках, а это уже самый экстремальный вариант.

– Вот это да! – Девушка воскликнула с неподдельным восторгом.

– Но главное в том, что я заключил самую большую сделку в компании. Я побил рекорд, поставленный моим шефом.

Видно было, что когда-то он сообщал об этом событии с гордостью, если не с бахвальством, а сейчас это звучало с налетом вины и недоговоренности.

– Чем же завершилось ваше соперничество? – поторопила она, а то герой опять взял паузу.

– А он со мной не соревновался. Он считал меня частью своей команды. Это я с ним конкурировал, а он – нет. Он знал, что я – лучший из его подопечных. Теперь я предполагаю, что он от души радовался моим успехам, в том числе той мега-сделке. Ученик же должен превзойти своего Учителя.

– А что не так? Почему вы расстроены? Это же хорошо, что у вас с ним не было конфликта.

– Я не одержал верх.

– Так вы же превзошли его?

– Я предал его. Я понял, что в глазах окружающих он вечно будет самым-самым, а я буду одним из его ребят. Поэтому я перескочил через него и пошел на повышение в штаб-квартиру.

– А он?

– Ему было грустно, что я ухожу от него и уезжаю в Штаты, но он был рад моему продвижению.

– Может быть, он таким образом радовался, что избавился от конкурента?

– Да нет же! – выпалил, потеряв хладнокровие, мужчина. – В том-то и дело, что он никогда не воспринимал меня как равного. Он поддержал мое решение сделать карьеру и даже хлопотал перед американскими коллегами за меня. А сам остался с командой. Так я приплыл в другую пещеру, где намного больше бананов...

– Вот почему вы так часто летаете? Видимо, в головной офис?

– Да, но скоро буду летать реже... возможно, я стану первым интеллигентным американцем, – заметил мужчина, а потом знакомым ей взмахом выпростал из рукава левую руку и проверил время на часах: – Мне пора на рейс. Вам спасибо за интересный разговор. У вас получилось идеальное утро для ловли рыбки-бананки.

И он, еще одним известным ей движением подняв выдвижную ручку чемодана, направился было пересечь условную границу магазина и транзитного перехода.

– До свидания! – проводила его продавщица, сделав небольшой шаг из-за прилавка.

Она уже видела, что он нарушит привычный маршрут и пойдет не в сторону рейсов через Атлантику, а в направлении континентальных рейсов. Он вернется к себе домой, обратно в племя команчей, по пути приобретая прежнюю легкость в поступи. А бирка ручной клади будет болтаться на его чемодане, как радостно виляющий собачий хвостик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.